

**ЛЕКСИКА ГРЕЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА
КАК ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР
ДЛЯ ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЕЙ**

Реюме

У статті у світлі грецього оригіналу розглядаються лексичні різночитання близьких за змістом блоків давньоруського перекладу 39 Слова Григорія Тєолога та укладеного на його підставі антидольського повчання.

Ключові слова: лінгвотекстологія, давньогрецька мова, давньоруська мова, історична лексикологія.

Summary

In light of the original Greek, this article considers different interpretations of sections of the 39-th Oration of Gregory Theologian and the teaching against idolatry which is based on the Old Russian translation of Gregory's work.

Key words: linguotextology, Ancient Greek, Old Russian, historical lexicology.

При изучении лексических разночтений генетически связанных мест двух или нескольких древнерусских рукописей не всегда удается более или менее однозначно разъяснить смысл подобных разночтений и их происхождение. В том случае, когда есть возможность привлечь для анализа соответствующий византийский текст, исследователь получает дополнительную возможность для содержательной интерпретации древнерусских разночтений. Цель предлагаемой статьи — проиллюстрировать это (в общем-то известное) положение на некоторых местах древнерусской книжности, представляющих научный интерес, но все еще остающихся непроясненными.

Объектами рассмотрения служат известный сборник южнославянского перевода XIII Слов Григория по древнерусской рукописи XI в. и не менее известное древнерусское поучение *Слово святаго Григорья Богословца*. изъверѣтено в тълцѣх его. ш том како първое поганѣ сѹще тазыци сѹжили идолом и же и нынѣ мнози творять, выявляющее прямую связь с 39 Словом этого византийского автора (Слово на Богоявление; *Εἰ τὰ ἄγια Φῶτα* = слово на стѣх крштенник в рукописи XI в., открывающее этот сборник). Оба памятника давно находятся в поле зрения славистики. В то же время вопрос о соотношении текста древнерусского поучения, известного в четырех списках, с византийским оригиналом и его южнославянским переводом не нашел еще своего разрешения. Например, Е. В. Аничков считал, что древнерусское поучение составлено на основании уже готового славянского перевода из Григория Богослова, а

6881/291

Б. А. Рыбаков решительно настаивал, что поучение составлено на основе греческого текста древнерусским автором, владевшим греческим языком вполне.

Тщательное сопоставление параллельных мест всех трех текстов, где выявляются, с одной стороны, несоответствия текста поучения по НС (см. список сокращений) византийскому оригиналу и, с другой стороны, отражение особенностей южнославянского перевода в древнерусском поучении, приводит нас к убеждению, что это поучение составлено на основе того текста, что находится в рукописи XI в.

Первое несоответствие между византийским текстом и текстом НС касается выражения οὐδὲ Φρυγῶν ἔκτομαί [Migne: 337], которое в рукописи XI в. передается правильно: **Ни фръжская кроенниа** [Буд.: 2], ср. греч. ἔκτομαί 'вырезание; вырезанная часть; кастрация, осклопление' и др.-русск. кроение 'резание, обрезание; нанесение себе порезов в знак печали; крой, покрой'. В НС находим совсем другое — **фржская слоньница**. Автор НС, если бы он пользовался греческим оригиналом, зная достаточно хорошо его язык, не мог бы в общем контексте Григория Богослова упустить этот важный момент критики ритуальных осклоплений у фригийцев. Появление слова **слоньница**, называющего трубы фрягов-латинян, спровоцировано тем, что у Григория Богослова далее говорится о флейтах и плясках корибантов, служителей матери богов Реи-Кибелы. Однако древнерусский смысл слова направлен здесь на критику латинского богослужения, допускающего бесчинную музыку при богослужении в храме (известный мотив в "связании с латиной").

Другое несоответствие касается фразы Ὀσίριδος σπαραγμοί — намек на миф об убийстве и растерзании Осириса его братом Сетом: ср. греч. σπαραγμός 'разрывание, раздирающее'. Перевод XI в. точно передает смысл выражением **осирново раздражанне** [Буд.: 4]. В НС находим трансформацию **осирида роженне**. Смысловое расстояние между значениями греческого слова и его древнерусской пары настолько велико, что может объясняться только как переосмысление ступени **раздражанне** в переводе XI в.

Подобный же прозрачный пример переосмысления первичного византийского текста выявляется в передаче мифологемы о Зевсе как покровителе Крита — τοῦ Κρητῶν τυράννου. Славянский перевод совершенно правильно представляет это выражением **критьскааго мжчнтела** [Буд.: 2], тогда как в НС читается **критьскааго шканьнаго оучителя**. Переосмысление вызвано тем, что в поучении говорится о том, что поклоняться эллинским богиням-матерям — Артемиде, некоей Коруне (матери антихриста), Ире-Гере, Диомиссе (переосмысление имени *Дионис*), — научили Зевс и "проклятый Мамед", т. е. Магомет.

Особенно яркое доказательство нашей гипотезы дает анализ места, где Григорий Богослов сообщает о ритуальных самобичеваниях до крови

спартанских юношей: καὶ Λακωνικῶν ἐφήβων ἐπιβῶν αἵμα, ξαινομένων ταῖς μαστίξι [Migne: 337–340]. А. Будилович представляет славянский перевод таким образом: **и лаконьскъихъ ... трѣвнштънаа кръвь, прочасана ранами** [Буд.: 3]. На месте явного пропуска ἐφήβων 'юношей', обозначенного издателем многоточием, в другом списке этого же славянского перевода (но уже с комментариями Никиты Ираклийского) абсолютно правильно читается **лаконьскыхъ врадѣющихъ** (ГИМ, Синод. собр. № 954, л. 16), ср. др.-русск. **врадѣти** 'начинать покрываться бородой'. Таким образом, изначально говорилось о жертвенных самобичеваниях юношей достигших возраста инициации, половозрелых. В противоположность этому в трех списках древнерусского поучения находим один и тот же вариант **лаконьскаа тревншънаа кръв** при дальнейшем искажении **ланьская** в списке Ч.

Подобное могло возникнуть только при работе книжника с текстом, известным нам по рукописи XI в.: ввиду пропуска, никак не восстанавливаемого по смыслу текста, но нарушившего его грамматическую связность, книжнику оставалось только согласовать прилагательное по желаемому роду с ближайшим последующим существительным **кровь**.

Показательны также наблюдения над местом, которое соответствует пропущенным древнерусским поучением мифологемам о Трофонии, вещем дубе в Додонии и отраженной в поучении мифологеме о дельфийском оракуле: καὶ Τροφώνιου κατὰ γῆς παίγνια καὶ μαντεύματα, ἢ Δωδωναίς δρυὸς ληρήματα, ἢ τρίποδος Δελφικοῦ σοφίσματα [Migne: 340]. Славянский текст XI в. представляет такой перевод: **и трофоний по земли игранниа и влѣхвованниа, или додонскааго джебуу владенниа, и трипода дельфичьскааго прѣмждраниа** [Буд.: 3]. Этот перевод несколько ошибочен. В оригинале говорится об обманах и вещаниях Трофония **изпод земли** (κατὰ γῆς), тогда как переводчик говорит об играх **на земле**. Вторая неточность касается слова **игранниа**. Григорий Богослов говорит именно об обманах и предсказаниях — παίγνια καὶ μαντεύματα: форма множ. ч. ср. р. παίγνια (употребляемая чаще формы ед. ч.) имеет среди своих значений такое, как 'проделки; комедии' = 'несерьезный, глупый обман' в контексте Григория Богослова. Славянский же переводчик берет другое, хотя и близкое по смыслу, слово женск. р. **паіγνια** 'игра, забава; празднество'.

В НС обнаруживается следующая трансформация: **ли трипода дельфичьскааго ворожа. и розгометаник. и афиньскаа метанниа. писаннаа въ книгахъ** (курсивом выделено место, отсутствующее как в оригинале и его переводе, так и в трех других списках поучения).

Самое интересное, что отмеченная выше неточность перевода, связанная с появлением слова **игранниа**, отразилась, по всей видимости, в выделенной нами новации НС. Дело в том, что в рукописи XI в. первая буква

слова *играница* приходится на конец строки, т. е. в начале следующей строки читается *граница*, ср.: [Буд.: 3]. Притом что предыдущее слово *земли* также заканчивается на букву *и* (т. е. в конце строки читается *земли*, где конечная повторяющаяся буква могла бы остаться вне зрительного внимания составителя древнерусского поучения), вполне вероятно, что прочтение *граница* воспринялось как южнославянизм: ср. совр. сербск. *грانا* 'ветвь', устар. болг. поэтизм *граница* 'ветви'. В конечном итоге прочтение *по земли граница* в соседстве с упоминанием вешего дуба, очевидно, спровоцировало древнерусского автора сказать о распространенном у славян виде гаданий (вспомним соответствующее свидетельство черноризца Храбра и распространенные на Руси гадания по псалтыри при помощи бросаемых палочек-прутиков с насечками).

Таким образом, приведенные наблюдения в своей совокупности дают весомые основания считать, что древнерусское поучение действительно составлено на основании именно того текста южнославянского перевода, который сохранил в древнерусской рукописи XI в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Буд.: Будилович А. XIII Слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской публичной библиотеки XI века. — СПб., 1875.

НС: Слово святого Григория в славянском изъвержено въ толцехъ его. о томъ како первое погани суще языци служили идоломъ и нже и нигъ мнози творять по рукописи РНБ, Соф. собр., № 1285. Л. 88об.-90.

Ч: Слово святого Григория изъвержено в толцехъ его. о томъ како первое поганин. суще языци кланялися идоломъ. и требы имъ кланя нже нынѣ то творять по рукописи ГИМ, Чуд. собр. № 270, Л. 221-224об.

Migne: Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. — Paris, 1858. — Т. 35.